

ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ

В.Д. Попков

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ЕВРОПУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Статья представляет собой краткий сравнительный анализ эмиграционных исходов из Российской империи и Советского Союза. Строго говоря, к российской эмиграции можно отнести лишь первый исход, который начался в 1918 г. из распавшейся Российской империи и закончился с укоренением советской власти в России. Все последующие эмиграции были уже «советскими» хотя бы по тому критерию, что страной исхода был Советский Союз. В культурном смысле вторая эмиграция была близка к первой, хотя уже имела советские «вкрапления». Третья же и четвертая эмиграции уже целиком состояли из советских людей, которые социализировались в стране, весьма отличающейся в культурном плане от бывшей Российской империи, откуда состоялся первый исход, и с которой была не понаслышке знакома вторая эмиграция. Однако все четыре эмиграции были связаны с возникновением, существованием и распадом СССР. В данной статье речь идет об эмиграциях, так или иначе связанных с возникновением, существованием и распадом Советского Союза.

Цель статьи заключалась в том, чтобы, обрисовав границы эмиграционных исходов из России и Советского Союза, показать обстоятельства и условия, подготовившие русское зарубежье как культурно-политический феномен и современное русскоязычное транснациональное пространство как результат этнонациональной политики бывшего советского руководства и миграционной политики сегодняшних правительств принимающих стран.

Цель данной статьи — обозначив границы эмиграционных исходов из России и Советского Союза, показать обстоятельства и условия, подготовившие русское зарубежье как культурно-политический феномен и современное русскоязычное транснациональное пространство как результат этнонациональной политики бывшего советского руководства и миграционной политики сегодняшних правительств принимающих стран. Это позволит,

* Автор выражает глубокую признательность фонду им. Александра Гумбольдта за предоставленную возможность проведения исследования и всестороннюю поддержку

во-первых, увидеть общую картину эмиграционных исходов в целом, во-вторых, получить более четкое представление о составляющих различных периодов российской и советской эмиграций и, в-третьих, обозначить пути для последующего анализа.

В данной статье речь пойдет об эмиграциях, так или иначе связанных с возникновением, существованием и распадом Советского Союза. Для сохранения исторической последовательности необходимо упомянуть эмиграцию, которая была еще из Российской империи до так называемой «первой волны», но которая выходит за рамки предлагаемого анализа и не будет рассматриваться. По сравнению с последующими эмиграциями из распадающейся Российской империи и Советского Союза этот исход не оставил каких-либо заметных следов. Именно с распадом Российской империи и связывается начало «Великой русской эмиграции» (Volkman 1966: 137) и создание «Зарубежной России».

Первая эмиграция

Первая эмиграция была обусловлена известными событиями октября 1917 г. и ограничивается примерными временными рамками с 1918 по 1923 г., что связывалось с установлением власти большевиков и поражением Белого движения. По различным данным за этот короткий период времени Россию покинуло от 1,5 до 3 млн человек (Полян 2005: 499). В. Врангель оценивает русскую эмиграцию того периода от 920 тыс. до 3 млн человек (Wrangel v. 1926: 299–300). Х. Фолькман считает, что речь идет примерно о 2 млн российских эмигрантов (Volkman 1966: 2). А. Вишневский и Ж. Зайончковская оценивают эту волну в 4–5,5 млн человек (Вишневский, Зайончковская 1992: 6).

В первой эмиграции были представлены все слои российского общества и практически все политические направления того периода, кроме большевиков. Помимо верхнего слоя аристократии, членов правительства, коммерсантов, депутатов Думы, офицеров Белых армий, которым посчастливилось остаться в живых, было очень много представителей интеллигенции: инженеров, врачей, адвокатов, ученых, писателей (Wrangel v. 1926: 300; Volkman 1966: 7). В. Врангель оценивает, что в первой волне было примерно 75–80 % образованных людей, интеллигенции или представителей состоятельных слоев российского общества. К оставшимся 20–25 % принадлежали люди не получившие образования и относившиеся к бедным слоям российского общества (Wrangel v. 1926: 300).

Что же касается политических предпочтений первой эмиграции, то они были крайне разнообразны. Так, к первой эмиграции относились как активные сторонники, так и противники царской России, или Временного правительства. Здесь же были участники или сторонники Белого движения и те, кто поддерживал Красную армию (например троцкисты, меньшевики, анархисты, часть эсеров), но по причине преследований со стороны большевиков были вынуждены бежать из России вместе со своими идеологическими противниками. Кроме того, первая эмиграция несла с собой груз сословных

предпочтений и антипатий, что значительно осложняло и без того непростые отношения между различными общественными группами и политическими течениями.

Едва ли не единственный объединяющий момент для первой эмиграции — отношение к советскому режиму в России, которое в целом было негативным. Однако и здесь наблюдались значительные разночтения. В. Врангель выделяет две большие группы в российской эмиграции первой волны — по отношению к данному вопросу. Первая группа, к которой принадлежали социалисты всех мастей и оттенков, признавала советскую власть в качестве последовательницы царского режима и представительницы интересов России того периода. Они считали советскую власть способной к эволюции и были готовы вести переговоры с ее представителями. Кроме социалистов к этой группе относилась и часть кадетов (так называемые левые кадеты), во главе которых стоял П.Н. Милюков. Правое крыло кадетов (В.Д. Набоков) и остальная часть эмиграции, среди которых значительная доля приходилась на монархистов (Н.Е. Марков), видели в большевиках только узурпаторов власти и инструмент третьего Интернационала. По их мнению, большевики не являлись русским правительством, а были частью интернационального ордена, который ставил своей целью коммунистическую мировую революцию, а русский народ и Россия были лишь средством для достижения цели. В этой связи вторая группа эмигрантов не считала советское правительство способным к эволюции, отказывалась вести с ним переговоры и стремилась к свержению советского строя в России. Первая группа во главе с Милюковым составляла около 15 % всей русской эмиграции того периода. Оставшаяся основная часть эмиграции относилась ко второй группе (Wrangel 1926: 301–302). Сходные данные приводит и немецкий историк Х. Римша (Rimscha 1927). По его мнению, «в 1925 году монархисты составляли 85 % всех эмигрантов» (цит. по: Назаров 1994: 57).

Не вдаваясь в детали тогдашнего политического спектра и политических движений и организаций и дискуссий того времени, первую российскую эмиграцию можно не просто охарактеризовать как «русский антикоммунистический актив, частично вытесненный за пределы страны» (Казанцев 1952: 29), но также и отметить, что значительная часть первой эмиграции к середине 1920-х гг. стала все более склоняться в «правую сторону» политического поля российской эмиграции и даже все более симпатизировать монархической идее, хотя и в различных аспектах ее понимания.

Можно предположить, что несмотря на значительные потрясения в России и российской эмиграции, идеологические и ценностно-нормативные основы старой России, кратко сформулированные А. Деникиным, применительно к устоям царской армии словами «Вера—Царь—Отечество» (Деникин 2005: 103–119) хорошо сохранились в большинстве эмигрантских кругов первого исхода и являлись доминирующим поведенческим ориентиром, хотя и с определенными поправками, для большинства эмигрантов правой политической ориентации. Правда, по мнению А. Деникина, в армейских кругах еще до событий февральской революции и октября 1917 г. наблюдался повсемес-

тный отказ от этих традиционных основ и ценностей. Наибольшую критику вызывало самодержавие, поэтому для многих идея монархизма виделась в качестве лишнего символа, и формулировка сокращалась до «Веры–Отечества», что выражалось в лозунге «За Русь, за Веру!» Однако и на этой формуле не ставилась точка. Как полагает А. Деникин, «... в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов» (Там же: 106). Таким образом, единственным символом, оставалось только «Отечество». Но даже и здесь, по мнению А. Деникина, негативизм был очень высок (Там же: 116–118). Тем не менее многие участники Белого движения, оказавшиеся впоследствии в эмиграции, являлись носителями этих идей и активными свидетелями и участниками дискуссий и борьбы за сохранение или трансформацию данной идеологии, ее ценностей и символов. Поэтому, несмотря на то что А. Деникин констатировал падение старых ценностей и повсеместный отказ от старой идеологии, мне представляется значительным сам факт дискуссии о важности и нужности этих ценностей для России и российского общества в эмигрантской среде первого исхода. В первой эмиграции отношение к этим ценностям и их трактовка являлись неким ориентиром, лакмусовой бумажкой, позволяющей определять сторонников и противников. Все последующие эмиграции уже не несли в себе столь болезненного ощущения необходимости какого-то отношения, сохранения или изменения, или отрицания этих идей и этого мироощущения. Например, в случае третьей и четвертой эмиграций актуальность идеологии «Вера–Царь–Отечество» не просто заметно снизилась; ни одна из составляющих данной формулы даже не рассматривалась (и в случае четвертой эмиграции не рассматривается) в качестве значимого ориентира или постоянной темы для обсуждения.

Несмотря на кажущиеся общими ценностные основания, в рядах первой эмиграции можно скорее констатировать существование раскола, нежели консенсуса. Раскол был обусловлен значительным расхождением политических позиций, когда каждое политическое движение, каждая партия старалась ослабить своего политического противника, отодвигая на второй план понимание и отношение, хотя и различное, к ценностям старой России и, самое главное — едва ли ни единственную точку соприкосновения — неприятие советской власти. Поэтому все усилия по объединению различных политических движений, их лидеров и созданию общей силы для свержения большевистского режима не дали существенного результата. Политические платформы общественных групп были настолько разноплановы, что только лишь на их объединение требовалось огромное время. Внутри эмиграции велась жесткая политическая борьба и поэтому она не была способна эффективно противостоять советской власти.

С точки зрения исследования эмиграционных исходов важным в первой эмиграции представляется то, что она является единственным «легитимным» носителем русской культуры без последующих советских вкраплений. Можно также сказать, что в результате первой эмиграции за границу был

полностью вывезен целый культурный пласт вместе с носителями культуры. Все последующие эмиграционные исходы представляют собой уже некий «коктейль» на основе русской культуры с различными по объему и «крепости» советскими «добавками».

Именно с первой эмиграцией связывается не просто возникновение русской диаспоры в Европе, но и создание Русского зарубежья как социокультурного и политического феномена, как попытки «консервации» элитной русской культуры, которая во многом до сих пор остается неизвестной и в современной России. С первой эмиграцией связано и создание «параллельной политической России», поскольку создание Русского зарубежья сделало возможным существование двух политических культур: русской зарубежной и советской.

В целом, важно отметить следующие основные характеристики первой эмиграции:

- Эмиграция носила вынужденный, политический, антибольшевистский характер. Отказ от эмиграции для большинства означал физическое уничтожение на родине. Эмиграция связана с военным поражением и отступлением Белой армии.

- Первый исход — это активные антикоммунисты и противники советского режима, оказывающие ему всяческое, в том числе и вооруженное сопротивление (Белое движение) и, в большинстве своем, не признающие его легитимность. Политическая и военная цель — свержение советского режима.

- Первая волна — это еще юридически подданные Российской империи.

- Подавляющая часть первой эмиграции были православными, что в целом определяло их систему ценностей и поведенческих ориентаций. Отсюда возникла миссия сохранения православного религиозного опыта и православных ценностей, что активно осознавалось «культурным слоем» первой эмиграции. Православие выступало как основа мировосприятия и одновременно как составная часть идеологии. И во многом политический раскол в эмиграции был связан с недооценкой роли православия, пренебрежением или отказом от православия части политической элиты эмиграции.

- Идея временности пребывания за границей. Значительная часть первой эмиграции не собиралась навсегда обосновываться за границей и активно поддерживала идею возвращения в Россию.

- Специфика состава первой эмиграции. Выехал значительный слой носителей русской культуры в массовом масштабе. Это дало возможность построения Зарубежной России.

- Перенос политических движений и партий из России на русское зарубежье. Следствие — значительный политический раскол в рядах первой эмиграции, который так никогда и не удалось преодолеть.

Вторая эмиграция

Второй эмиграцией принято считать тех, кто во время Великой Отечественной войны различными путями, как вынужденно, так и добровольно,

попал на запад, в основном на территорию третьего Рейха. После окончания войны для большинства эмигрантов последовала репатриация, как насильственная, так и добровольная, но заметной части удалось либо остаться в странах Европы (по ту сторону железного занавеса), либо эмигрировать дальше, за океан.

Вторая эмиграция до сих пор остается одним из самых малоизученных эмиграционных исходов из Советского Союза. Оценить эту эмиграцию сложно не только в морально-этическом плане: верно ли, неверно ли делали те, кто решил уйти вместе с немцами или даже стать на их сторону, чтобы образовать «третью силу» и воевать против советской власти. Ее трудно оценить и в количественном отношении. Однако масштабы этой эмиграции выглядят очень значительно. До сих пор нет достаточной ясности, сколько же человек в действительности покинули территорию Советского Союза, и еще меньше ясности по поводу того, сколько человек осталось за его пределами после насильственных выдач союзниками и репатриации. В. Земсков приводит данные о том, что «по состоянию на 1 января 1952 г. Управление Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации оценивало численность “второй эмиграции” в 451 561 человек. В это число были включены только те, кого, по мнению руководства СССР, в принципе можно было репатриировать» (Земсков 1991: 20). П. Полян приводя данные из того же источника, что и В. Земсков отмечает при этом, что методика их получения не раскрыта и по другим сведениям, которые П.Полян, правда, считает завышенными, число невозвращенцев оценивается в 1,2–1,5 млн человек (Полян 1996: 325, 327). Сам автор оценивает общее количество невозвращенцев, или тех, кто и составил вторую эмиграцию, в 700 тыс. человек, при общем числе депортированных советских граждан примерно в 8,7 млн (Polian 2002: 151, 153; Полян 2005: 511).

Комментировать различия в оценках достаточно сложно. Можно лишь заметить, что для тех, кто не хотел возвращаться, а их было более чем достаточно, существовали некоторые возможности, чтобы избежать насильственной репатриации. Так, П. Полян приводит несколько способов от нее уклониться (Полян 1996: 256). Поэтому оценка автора в 700 тыс. человек показывает нам лишь масштаб второй эмиграции, которая, вероятно, была бы значительно больше, если бы не была проведена насильственная выдача союзниками советских (и не только советских) граждан и последующая депортация в СССР.

Если в социальном плане во второй эмиграции были представлены практически все слои населения Советского Союза, то в политическом отношении вторая эмиграция стала оформляться уже после войны, в самом конце 1940-х–начале 1950-х гг. Именно тогда стали возникать или набирать силу различные политические объединения. Основная идеологическая линия второй эмиграции возникает из власовского движения. И это тоже одна из причин, почему вторая эмиграция до сих пор остается полузамолчанной. Речь идет, конечно же, не о военном значении власовского движения. В плане формирования идеологических основ второй эмиграции военная деятель-

ность РОА (Русской освободительной армии) как раз не является ключевой, в то время как политический аспект РОД (Русского освободительного движения), КОНР (Комитета освобождения народов России) трудно переоценить. Это являлось стержнем значительной части второй эмиграции, ее политической волей и объединяющим моментом, который привлек к себе и заметную часть первой эмиграции. Именно четкое политическое оформление движения, выраженное в Пражском манифесте 14 ноября 1944, и формулировка конечной цели РОД — свержение советской власти и формирование русской государственности, а не русские и национальные военные соединения в немецкой армии, которых было более чем достаточно (800 тыс. — 1,2 млн человек), о чем пишут многие очевидцы и исследователи этих событий (например: Казанцев 1952: 289; Стеенберг 1974: 120, 163; Фрелих 1990: 55) явилось той причиной, по которой на власовское движение был наклеен ярлык «предателей родины» и опущена завеса молчания.

Политическим костяком второй эмиграции были члены РОД (Назаров 1994: 347). Об этом говорит тот факт, что многие политические течения второй эмиграции в послевоенные годы создавались на базе РОД, КОНРа и идеях Пражского манифеста. Например, СБОНР — Союз борьбы за освобождение народов России, СБСР — Союз борьбы за свободу России, САФ — Союз Андреевского флага, КОВ — Комитет объединенных власовцев, РНД — Российское народное движение, ЦОПЭ — Центральное объединение послевоенных (позднее — политических) эмигрантов и другие объединения (подробнее см., например: Volkmann 1965; Назаров 1994). Наиболее заметной политической силой среди второй эмиграции стал НТС — Национально-трудовой союз, который, правда, был основан значительно раньше, и его члены сами принимали участие в создании КОНРа и РОД.

Характерным признаком второй эмиграции являлись советские культурные вкрапления, особенно у значительной части эмигрантов, получивших образование, поскольку жесткая идеологическая обработка в советских образовательных учреждениях не прошла бесследно. Именно во второй эмиграции впервые стали обнаруживаться символы, идеи, трактовка исторических событий, которые либо не совсем совпадали, либо находились в противоречии с позицией первой эмиграции. Отсюда стала возникать и проблема идентификации, в том числе и навязанная первой эмиграцией, когда вторая эмиграция виделась «слишком советской», а следовательно, «недостаточно русской». Это привносило определенное непонимание при общении между первой и второй эмиграциями, что являлось поводом для взаимных упреков. Однако в чем вторая эмиграция превосходила первую — «так это в ненависти к большевикам» (Назаров 1994: 363).

Еще одно существенное отличие заключается в том, что вторая эмиграция подвергалась насильственной репатриации. Такой массовой и масштабной охоты не устраивали ни за первым, ни за последующими исходами. В остальном между первой и второй эмиграциями было больше общего, чем различного. И те и другие имели военный опыт, причем многие еще и Гражданской войны; и для тех и для других советская система была в принципе

неприемлема и смертельно опасна; как для первой, так и для второй эмиграции была очевидна невозможность возвращения в «ту» Россию. Поэтому для тех и других эмиграция стала билетом в один конец. Было еще не мало таких отдельно взятых характерных особенностей, которые говорили скорее «за», чем «против» объединения, но основным скрепляющим моментом первой и второй эмиграций явилось признание православия как стержня возрождения России и национальной идеи.

Если попытаться оставить за скобками идеологические оценки, то можно обратить внимание на некоторые специфические особенности второй эмиграции.

- Эмиграция носила вынужденный, политический, антисоветский характер. Однако в отличие от первой эмиграции часть людей стали политическими противниками советского режима не в Советском Союзе, а гораздо позднее, например, попав в плен или будучи насильственно вывезенными в Германию.

- Страх возвращения на родину. Часть будущих эмигрантов не были активными противниками режима, но не без основания опасались репрессий в случае возможного возвращения домой.

- Второй исход был уже советским. Это были граждане СССР, имели опыт жизни при советской власти и знали реальную советскую действительность, что накладывало четкие «отпечатки» советского образа мыслей и поведения в действиях эмигрантов.

- Основная часть второй эмиграции, до того как она оказалась за пределами Советского Союза, признавала легитимность существующего в России политического режима, но впоследствии поставила это под сомнение.

- Во второй эмиграции (в отличие от первой) уже присутствовало желание «вырваться» из закрытой страны. Оккупация явилась тем случаем, который позволил разомкнуть закрытые большевиками границы.

- Второй эмиграции при помощи и содействии представителей первой эмиграции удалось создать идеологическую платформу для свержения советского режима.

Третья эмиграция

Третья эмиграция охватывает более значительные временные рамки в сравнении с первой и второй, которые являлись скорее беженскими эмиграциями, своеобразными эмиграционными выбросами в короткий период времени. Третья эмиграция включает весь период холодной войны, начиная с послевоенного времени и до 1991 г., когда был принят закон, снимающий все ограничения на выезд за границу. За этот период времени Советский Союз потерял 1 136 300 своих граждан. Выехало 592 300 евреев, 414 400 немцев, 84 100 армян, 24 300 понтийских греков, 18 400 евангелистов и пятидесятников и 2 800 человек других национальностей (Heitman 1991: 5).

Третья эмиграция является самой длительной из всех исходов. Этот достаточно продолжительный промежуток времени С. Хайтман разбивает на четыре этапа: 1948–1970 гг.; 1971–1980 гг.; 1981–1986 гг. и 1987–1989 гг. (Heitman 1991: 4, 8). Первый период характеризуется относительно нерегу-

лярным выездом «избранных» евреев, немцев и армян в Израиль, Германию и Францию вследствие прямого воздействия правительств этих стран в пользу эмиграции. Второй период охватывает уже значительную и регулярную эмиграцию как результат ослабления внутреннего политического контроля внутри Советского Союза и улучшения отношений между странами запада и СССР. Третий этап отмечается ослаблением эмиграционного потока вследствие усиления внутреннего контроля за эмиграцией и нового обострения отношений между Советским Союзом и западными странами. И последний, четвертый этап связывается с продолжением перестроечного периода в СССР и вступлением в 1986 г. в силу новых правил выезда, существенно упрощающих процедуру эмиграции (Постановление Совмина СССР от 28.08.1986 № 1064).

Остается добавить, что окончание этой странной, с правовой точки зрения, эмиграции, когда разрешения на выезд выдавались «избранным» представителям некоторых этнических групп, логичнее было бы относить не к концу 1980-х гг., как полагает С. Хайтман, а к маю 1991 г. Именно тогда Верховный Совет СССР принял закон «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», который вступил в силу намного позднее — 1 января 1993 г. (Постановление ВС РФ от 22.12.92 № 4183-1 «О вступлении в силу на территории Российской Федерации закона СССР “О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР”»). С принятием этого закона, устанавливающего четкие правила выезда, въезда и проживания граждан страны за рубежом, «упраздняется» третья эмиграция и одновременно начинается четвертая.

Какими мотивами руководствовалось правительство СССР, когда давало разрешение на выезд нескольких этнических и религиозных групп (немцы, евреи, армяне, греки, пятидесятники), сейчас трудно сказать, однако четкой правовой базы, закрепляющей право на выезд именно этих, или хотя бы каких-то других, групп из Советского Союза, не было. Очевидно, что эмиграционная политика в Советском Союзе в своем правовом аспекте не претерпела существенных изменений со времен создания советского государства. Выезд в основном осуществлялся по программам воссоединения семей. По крайней мере в официальных опубликованных документах, регламентирующих выезд — выезд советских граждан из СССР, нет ни слова о том, что правом на эмиграцию обладают те или иные этнические (или другие) группы. Особо следует выделить подписание СССР Хельсинкского акта в 1975 г. Именно с этого момента у граждан Советского Союза появились правовые основания покинуть страну, обосновывая это не семейными или этническими мотивами. Надо сказать, что людей, способных бросить вызов государству, оказалось не так много. В целом же следует констатировать полный правовой вакуум в Советском Союзе по вопросу эмиграции, а следовательно, и фактическое непризнание права на эмиграцию своих граждан.

Очевидно, что решения о выезде принимались властями достаточно волюнтаристски и определялись конъюнктурными политическими соображениями. Скорее всего они были связаны с определенным торгом с правитель-

ствами западных стран или с давлением западных стран, в первую очередь США (например та же поправка Джексона-Вэника), на советское правительство. В то же время нельзя не заметить, что в ряде случаев западная дипломатия не была достаточно эффективной, как это принято полагать, поскольку второй период относительно активной эмиграции сменился третьим, во время которого наблюдалась лишь ограниченная эмиграция, что связывалось с усилением внутреннего политического контроля. И только когда советское правительство уже во времена перестройки сняло ограничения на выезд, поток эмигрантов снова значительно увеличился.

Это наталкивает на мысль о том, что в основе «доброй воли» советского правительства выпускать «избранных» представителей «особых» этнических групп лежали не только усилия западных стран, и уж тем более не западное общественное мнение, как полагает С. Хайтман (Heitman 1987: 64). С ним советское правительство никогда особенно не считалось. В основе таких действий лежали скорее всего особенности внутренней советской политики и чисто прагматические соображения полезности и выгоды отпустить те или иные группы за границу. Можно предположить, что третья эмиграция шла под полным контролем (не считая, конечно, перебежчиков) руководства СССР, а отнюдь не под влиянием западных стран, как это принято полагать. В частности, западные страны, как и их общественное мнение, почему-то даже и не ставили вопрос о выезде украинцев, белорусов, молдаван, русских и т. д. Уж не потому ли, что было и так заранее ясно, что советское руководство не пойдет здесь ни на какие уступки и все усилия будут обречены на провал?

Третья эмиграция была в основном добровольная, подготовленная, планируемая и официально разрешенная, в смысле «разрешения на выезд». То есть речь не шла о свободной эмиграции по личному желанию любого гражданина. Такой постановки вопроса даже не возникало. Но те, кто уезжал, получали соответствующее разрешение (выездную визу) и легально покидали страну. Еще одной особенностью третьей эмиграции было принятие предварительного решения и подготовка к эмиграции. Те, кто ставил своей целью добиться разрешения на выезд, готовили себя к эмиграции заранее, что проявлялось как минимум в противостоянии внешней советской среде, в которой желание уехать уже рассматривалось как предательство.

Чтобы выехать из страны без особых проблем, необходимо было по крайней мере декларировать лояльность властям, а мотивы выезда объяснять национальными симпатиями и «зовом предков», что и делали значительное количество советских людей, имеющих в паспорте запись «еврей», «немец», «грек» или «армянин».

Третья эмиграция не была политической в своей массе, за исключением небольшого по количеству диссидентского движения, которое и дало основной политической окрас третьей эмиграции и политическую идею борьбы с советским режимом. Поэтому эмигранты третьей волны могут восприниматься как активные противники советского режима, что не соответствует действительности. Это были лишь несогласные или недовольные советским

режимом. Для многих людей, покидающих СССР в третью эмиграцию, была очевидна несостоятельность советского государства. В основном это осознавалось в его внешних, бытовых проявлениях: постоянный дефицит товаров, очереди, бытовая неустроенность и т. д. Добавлялась еще и очевидная ложь средств массовой информации, партийных работников, запрещение свободной прессы, литературы, музыки. Все это связывалось с ущербностью советской власти и ее неспособностью построить социализм с «человеческим лицом», однако это редко приводило к полному отрицанию советского строя. Лишь позднее, уже в эмиграции могла произойти тотальная переоценка всего советского режима.

Третья эмиграция дала множество ярких творческих личностей: поэтов, писателей, философов, композиторов, ученых. Однако третьему исходу не удалось создать ни одного значимого «собственного» политического движения, партии, как это сделали первая или вторая эмиграции. Представители третьей волны охотно критиковали те или иные политические партии зарубежной России или присоединялись к ним. Но они не оставили после себя оформленных политических течений, идей и реальной политической силы, которая могла бы послужить базой, платформой для последующего развития антисоветской борьбы. Более того, политическая идеология, господствующая в Советском Союзе, не казалась им совсем чужой. При известной модернизации она даже могла бы быть вполне приемлемой, что шло вразрез с мнением большинства первого и второго исходов.

Третья эмиграция не преследовала цели сохранить культуру страны исхода, традиции, обычаи, веру и т. д. Во-первых, потому, что в основном это были представители различных этнических групп, которые далеко не во всех аспектах идентифицировали себя с русской культурой. Например, православие чаще всего не рассматривалось в качестве нравственной основы и не являлось ориентиром для самоидентификации; и, во-вторых, речь шла уже о советской культуре, которая не подвергалась угрозам исчезновения и деформации в Советском Союзе, а культивировалась и всячески укреплялась. У третьей эмиграции не было цели сохранять те ценности, тот уклад отношений, который практиковался в Советском Союзе. Наоборот, от него хотели как можно скорее избавиться; по сравнению с первой и второй эмиграциями третья эмиграция представляла собой носителей советской атеистической культуры, с ее символами, героями и ценностными основами, отличной от той культуры, которую несли первая и вторая эмиграции, в значительной степени базирующейся на ценностях православия.

В качестве основных отличительных признаков, характеризующих третью эмиграцию, можно выделить следующие:

- Преобладание экономического характера эмиграции (за исключением представителей диссидентского движения).
- Легитимный характер миграции. Советский режим «отпускал» эмигрантов добровольно, хотя эмиграция велась по советским «правилам игры» и под контролем советского режима. Это не было бегством или отступлением и не было связано с риском для жизни.

- Отсутствие правовой базы для эмиграции. Выборочность эмигрантов и групп эмигрантов.

- Третья волна не представляла в своей массе убежденных политических противников режима, а лишь недовольных режимом. Подавляющее большинство третьей эмиграции признавали легитимность советского режима и не желали с ним активно бороться (за исключением диссидентского движения).

- Отсутствие собственных политических движений и партий.

- Уход во «внутреннюю» эмиграцию. К фактической эмиграции представители третьей волны готовили себя заранее, и многие годы жили ожиданием выезда и подготовкой к выезду. Другими словами, эмиграция не происходила «вдруг», вследствие внешних обстоятельств (поражение в Гражданской войне, немецкая оккупация), а была спланирована.

- Этнический характер эмиграции, т. е. возможность выезда только для определенных этнических (или религиозных) групп.

- Третья эмиграция была советской не только с юридической, но и с культурной точки зрения. Выезжали носители советской культуры, отличной от той культуры, в которой была воспитана первая и, отчасти, вторая эмиграции.

Четвертая эмиграция

Начало четвертой эмиграции, как было сказано выше, связывается с принятием в 1991 г. закона «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», вступившего в силу 1 января 1993 г. В отличие от всех трех предыдущих эмиграций четвертая не имела (и не имеет) никаких внутренних ограничений со стороны советского, а впоследствии — российского правительства. Масштабы выезда регулировались уже только миграционными квотами принимающих стран, и это принципиально меняло ситуацию.

Четвертый исход, как и третий, имел опять-таки этнический характер и стал во многом возможен лишь благодаря политике правительств отдельных стран, которые предоставляли (и предоставляют) гарантии представителям определенных этнических групп. Речь в первую очередь идет о Германии, которая принимает на поселение этнических немцев и еврейских переселенцев из бывшего СССР. Следует отметить Израиль, имеющий специальную программу по репатриации евреев, и Грецию, в которой также существуют правовые основания для приема греков рассеяния. Однако в настоящий момент львиная доля эмиграции из России и из стран бывшего СССР падает на Германию. Так, «за все время с момента всплеска эмиграции, начавшегося в 1987 году, более половины уехавших отправились в Германию, свыше ¼ — в Израиль, немногим более 10 % в США, около 2 % — в Грецию». За период с 1990 по 2000 г. только из России выехало примерно 1,1 млн человек (Зайончковская 2005: 546, 548).

В качестве наиболее показательного примера, с точки зрения количества прибывших мигрантов, можно рассмотреть Германию. Здесь мы увидим, как минимум, три основные группы эмигрантов-выходцев с пространства бывшего СССР. Во-первых, это немецкие переселенцы. По официальной ста-

тистике германского федерального административного ведомства (Bundesverwaltungsamt) с 1991 по 30 июня 2004 г. в Германию прибыло свыше двух миллионов «поздних переселенцев» (Spätaussiedler), причем подавляющее большинство из них (92,3 %) приехали с территории бывшего Советского Союза. Из прибывших в период между 1992 и 2002 г. более половины (53 %) составили переселенцы из Казахстана; более одной трети (37 %) — из России. Оставшиеся 10 % приходятся на остальные страны бывшего Советского Союза (Dietz 2005: 266).

Вторая группа эмигрантов — это еврейские контингентные беженцы (Kontingentflüchtlinge), для которых, как и для этнических немцев, предусмотрены особые интеграционные программы. В отличие от немецких переселенцев их количество намного меньше. С 1991 г. было подано 215 тыс. заявок на иммиграцию в Германию. Фактически же с территории бывшего СССР приехало на постоянное место жительства 190 тыс. еврейских переселенцев (Dietz 2005: 265).

Третью группу образуют лица, имеющие российское гражданство и не попадающие под действие двух вышеупомянутых переселенческих программ. Эту разнородную во всех отношениях (включая и этнический состав) группу можно обозначить как «россияне». Понятно, что в данную категорию можно записать кого угодно, в том числе тех же немцев или евреев, которые по каким-либо причинам не хотят воспользоваться своим «кровным правом» на эмиграцию и едут по общим правилам. Поэтому для «россиян» в общей массе четвертой эмиграции трудно выделить какой-либо четкий объединяющий критерий, кроме, пожалуй, отсутствия такового. По данным статистики Центрального регистра иностранцев (Ausländerzentralregister) на декабрь 2005 г. число российских граждан, проживающих на территории Германии, составило 185 928 человек. Количество выходцев с территории всего бывшего СССР, проживающих в Германии с паспортами новых государственных образований, равно 513 530 человек. Но здесь надо учитывать и тот факт, что в данную категорию входят также те еврейские переселенцы, которые проживают в Германии как граждане стран — наследниц бывшего Советского Союза и, соответственно, имеют их паспорта и учитываются как иностранцы. Поэтому фактический удельный вес «россиян» в общей массе четвертой эмиграции относительно невысок.

Как и все предыдущие исходы, четвертая эмиграция имеет свои, только для нее характерные особенности. Первой и едва ли не самой важной особенностью четвертой эмиграции является то, что ее участники, относясь уже к различным странам исхода, в культурном смысле являются выходцами одной и той же уже несуществующей страны, с характерной для нее культурной средой.

В этом отношении бывший СССР выполняет интегративную функцию, способствуя образованию «русскоязычного транснационального пространства». Это происходит и в тех случаях, когда эмигранты стремятся во что бы то ни стало «откреститься» от советского прошлого. В этом случае оно (прошлое) так или иначе используется ими в качестве «точки отталкивания», в то время как другие эмигранты подчеркивают важность и значимость со-

ветского опыта, и тогда советское прошлое используется в качестве «точки притяжения». Парадокс в том, что социализация в СССР, советский опыт, в том числе и любое к нему отношение, как раз и сближает эти две, казалось бы, разные группы, составляя две стороны одной медали. Принадлежность к категории «русскоязычных» подразумевает не только знание русского языка, близкое знакомство с русской культурой, но и важные *этапы социализации*, пройденные в республиках Советского Союза. Несмотря на значительные культурные различия между республиками, в СССР существовали общие образцы поведения и мышления, которые усваивались всеми индивидами с детского возраста, поскольку были необходимы для успешного преодоления каждодневных проблем. Национальная политика Советского Союза, затуманивание религиозных основ культуры и известные идеологические доминанты были призваны гомогенизировать население СССР и создать нового «советского человека». Это оказывало существенное влияние на характер мышления, понимание ценностей, идентификацию, нормы поведения индивидов и т. д. Данный ценностно-нормативный аппарат не исчез вместе с распадом СССР, а продолжает транслироваться индивидами-выходцами из бывшего Советского Союза в местах их настоящего проживания. Это и является основной особенностью четвертой эмиграции — создание особого русскоязычного транснационального пространства с советской культурной спецификой. В качестве определения групповых границ наряду с языком («русскоязычные») используется ощущение принадлежности к бывшему Советскому Союзу и идентификация (как позитивная, так и негативная) себя, своей группы с более несуществующей страной.

Второй особенностью четвертого исхода является проблема выбора идентичности, которая относится, в основном, к группам немецких и еврейских переселенцев. Особенно остро она стоит перед русскими немцами. Подавляющее большинство из них жили в России или странах бывшего СССР «как немцы среди русских» и приезжают в Германию, чтобы жить «как немцы среди немцев», часто изменяя имена и фамилии на немецкий лад. Но реакция принимающего населения заставляет их жить «как русских среди немцев», навязывая «не ту» этничность, что абсолютно не укладывается в первоначальные ожидания, порождая значительный стресс (ср. также: Bade 1992; Dietz 1995). Столкнувшись с такими обстоятельствами, часть эмигрантов отказываются (или не могут) интегрироваться в немецкое общество. В этом случае предпочтение отдается русской (советской) культуре, русскому языку и в некоторых случаях даже православию, которое, несмотря на атеистическое воспитание большинства эмигрантов, начинает рассматриваться как важная часть идентичности.

У еврейских переселенцев проблема идентичности стоит менее остро. По крайней мере большинство евреев не претендовали на то, чтобы быть принятыми «как немцы». Некоторой неожиданностью оказалось лишь, что они, так же как и немецкие переселенцы, вынуждены жить в Германии «как русские среди немцев», поскольку употребление русского языка для каждодневного общения, как и то, что они приехали из России или бывшего СССР,

заставляет коренное население воспринимать их как русских. В целом это не вызывает значительного стресса или противодействия. Более того, евреи, как, впрочем, и немецкие переселенцы открывают магазины, газеты, клубы, школы и т. д., презентуя их коренному населению как «русские». Именно на эти две группы, в основном, в силу их численности, и ложится бремя представления и трансляции той культуры («советской русскоязычной культуры»), которая в Германии воспринимается как русская, а ее носители — как русские эмигранты.

Третьей особенностью четвертого исхода в Германии является то, что большинство эмигрантов попадают под действие одних и тех же репатриационных и интеграционных программ в стране поселения. Это мощные программы социальной поддержки, о чем не знала ни третья, ни тем более вторая или первая эмиграции. Они, правда, касаются только групп немецких и еврейских переселенцев, но именно эти группы и образуют подавляющую часть четвертой эмиграции в Германии. Данные программы способствуют повышению уровня гомогенности внутри каждой из групп, что существенно отличает их от третьей, относительно небольшой группы «россиян». Наличие программ по приему полностью уравнивает права новоприбывших эмигрантов с правами коренного населения, за исключением права выбирать и быть избранными. Но и это ограничение вскоре снимается с русских немцев, поскольку они вскоре после переезда получают немецкое гражданство. Таким образом, в короткое время искусственно образуется отличная в культурном отношении от принимающего населения значительная по численности группа, формирующая особое коммуникационное трансгосударственное русскоязычное пространство и имеющая доступ к основным социальным благам немецкого общества.

Четвертой особенностью последней эмиграции является отсутствие каких-либо заметных попыток с ее стороны к политической деятельности в отношении страны исхода. Так, по сравнению с тремя предыдущими волнами четвертая эмиграция оригинальна уже тем, что не просто не пытается как-то повлиять на политическую жизнь России или других стран бывшего Советского Союза, но и не проявляет никакой заметной активности в формировании собственных политических движений и образований. По сути, это первая политически «пассивная эмиграция», которая не только не стремится к изменению политического режима в стране исхода, но и не хочет возвращения. Совсем наоборот. Значительная часть еврейской и немецкой групп, особенно первое время, пытаются следовать стратегии ассимиляции, чтобы поскорее почувствовать себя «настоящими европейцами». В результате уже у второго поколения эмигрантов четвертой волны начинает наблюдаться тенденция к забыванию русского языка и выпадению из русскоязычного транснационального пространства, которое, несмотря на значительные размеры, в будущем (если, конечно, не возникнет острой эмиграционной критической ситуации в самой России) будет постепенно сжиматься.

В качестве «сухого остатка» можно вычленить следующие основные характеристики четвертого исхода:

- Наличие правовой базы для эмиграции. Отсутствие препятствий для выезда и наличие препятствий для въезда.
- Преобладание экономической мотивации выезда.
- Этнический характер эмиграции. Наличие специальных интеграционных программ только для определенных этнических групп в ряде принимающих стран, например, для немцев и евреев в Германии.
- Выраженные элементы «советской» (атеистической) культуры. Отсутствие явных религиозных предпочтений в четвертой эмиграции.
- Возможность постановки вопроса о выборе (сохранении/отказе) идентичности. Участие в русскоязычном транснациональном пространстве, которое включает в себя и коммуникационное поле бывших союзных республик.
- Отсутствие политических причин эмиграции. Признание легитимности как советского, так впоследствии и демократического режима в России и лояльность к ним.
- Отсутствие политических движений и образований, направленных на изменение режима в стране исхода.
- Отсутствие ориентации на возвращение.

Даже при поверхностном взгляде видно, что мы имеем дело с разными миграционными исходами, иногда даже не пересекающимися. По крайней мере между первой и четвертой или второй и четвертой эмиграциями гораздо больше различий, нежели сходств. Причем перелом, по-видимому, начал происходить как раз во время третьего исхода, когда между представителями второй волны и вновь прибывшими эмигрантами стали выявляться значительные расхождения во взглядах на русскую культуру, православие, на основные события новой и новейшей истории и в конечном итоге на будущее России. Четвертый исход только укрепил уже обозначившийся разрыв. Причина этого лежит в постепенном изменении культуры страны исхода, во внедрении или разрушении идеологий и изменении особенностей социализации индивидов. В результате в четвертой эмиграции мы имеем дело с чисто советским исходом, которому в своей массе хотелось просто уехать из не стабильной во всех отношениях страны, причем политический режим, как советский, так и демократический, им был просто безразличен, а идея возвращения на родину и вовсе отсутствовала. Особенно резкий контраст наблюдается между второй и четвертой эмиграциями, которые, проживая в одной стране, существуют как бы в параллельных мирах. Достаточно редкие встречи представителей второй и четвертой эмиграций напоминают общение слепого с глухим, когда кроме русского языка точек соприкосновения почти не находится. Поэтому говорить о какой-либо «преемственности» русской эмиграции уже не имеет смысла. Если первая и вторая эмиграции создали русскую диаспору, целью которой было сохранение русской культуры, свержение советского режима и возвращение в Россию, то третий и четвертый исходы полностью отказались от идеи «русского зарубежья» и стали основателями нового «транснационального русскоязычного пространства» на базе уже советской культуры.

Литература

Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции: Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 4–16.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 кн. Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М., 2005.

Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1951) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.

Казанцев А. Третья сила: История одной попытки. Франкфурт-на-Майне, 1952.

Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.

Полян П. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер, П. Поляна. М., 2005. С. 493–519.

Стеенберг С. Власов: Русский дом в Мельбурне. Австралия, 1974.

Фрëлих С. Генерал Власов: Русские и немцы между Гитлером и Сталиным: Пер. с нем. Köln, 1990.

Bade Klaus, Fremde Deutsche: „Republikflüchtlinge“ – Übersiedler – Aussiedler // Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. K.J. Bade. München, 1992. S. 401–410.

Dietz B. Zwischen Anpassung und Autonomie: Rußlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin, 1995.

Dietz B. Gemeinsames Erbe — plurale Tendenzen. Aussiedler und Juden aus der ehemaligen Sowjetunion in Deutschland. Ein Vergleich // Russische Juden und Transnationale Diaspora / Hrsg. von J. Schoeps, K. Grözinger, W. Jasper, G. Mattenklot. Philo. Berlin, 2005. S. 259–278.

Heitman S. The Third Soviet Emigration: Jewish, German and Armenian Emigration from the USSR since World War II. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 21–1987. Köln, 1987.

Heitman S. Soviet Emigration in 1990: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 33–1991. Köln, 1991.

Polian P. Sowjetische Staatsangehörige im «Dritten Reich» während des Zweiten Weltkrieges. Gruppen und Zahlen // Wir sind die Herren dieses Landes. Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion / Hrsg. Quinkert. Hamburg, 2002. S. 134–153.

Rimscha H. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926: Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927.

Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg, 1966.

Wrangel V., Wilhelm F. Die russische Emigration // Staat und Volkstum. Bücher des Deutschtums 2. Bd. / Hrsg. von Dr. K. L. v. Loesch in Zusammenarbeit mit U. H. Ziegfeld. Berlin, 1926. S. 297–310.